

УДК 82.09-311.8

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.1.076

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ВОЛЬТЕРУ. РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ В ОЧЕРКЕ К.Н. БАТЮШКОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАМОК СИРЕЙ»

Г. Ю. Шульпяков

Литературно-художественный журнал «Новая Юность», г. Москва

В статье рассматривается, как очерк К. Батюшкова «Путешествие в замок Сирей» (1814), который камуфлируется под жанр литературы путешествий, перерастает этот жанр. Сравнение с образцами литературных предшественников обнаруживает преобладание лишь характерных приемов. Стилистическая и идейная оригинальность Батюшкова соответствует ситуации, исторической и личной, в которой оказался поэт. Его очерк подводит итог эпохе Просвещения. Поскольку литература путешествий была сколом эпохи Просвещения, поэт подводит итог и самому жанру, каким он сформировался во второй половине XVIII века – к 1814 году. **Ключевые слова:** Батюшков, Вольтер, Карамзин, Сирей, путешествия, Просвещение.

В январе 1816 года Батюшков приезжает из Каменца-Подольского, где он находился по военной службе, в Москву. По приглашению И.М. Муравьева-Апостола он проживет в его доме на Старой Басманной почти полгода. В приходских списках церкви Святого Никиты, к которой относится Басманная часть, его запишут в звании гвардии штабс-капитана. Батюшков ждет отставки, чтобы выйти на гражданскую с повышением в чине и уехать к себе в деревню. Но приказа из Петербурга нет, и он вынужден постоянно откладывать отъезд из Москвы.

Помимо элегий, вошедших в золотой фонд русской поэзии, в Каменце Батюшков напишет несколько прозаических вещей – в частности, очерк «Путешествие в замок Сирей». Вчерне он закончит его в походе, на что указывает дата под текстом: 26 февраля 1814. Но опубликует только в 1816-м. Очерк выйдет в «Вестнике Европы» [6, с. 136], московском журнале под редакторством М. Т. Каченовского. С «Вестником» Батюшков будет сотрудничать весь период московской жизни 1816 года. Журнал охотно предоставляет страницы для любых сочинений Батюшкова. В 1816 году журнал станет своего рода «площадкой» для самых разных по форме высказываний поэта. Здесь будут напечатаны его лучшие стихи послевоенного периода («Тень друга», послание «И.М. Муравьеву»-А<постолу>», «Мой гений»), а также несколько прозаических вещей,

© Шульпяков Г. Ю., 2024

тоже написанных (или дописанных) в Каменце-Подольском. Мартовский номер и вообще почти целиком батюшковский. Помимо «Путешествия» поэт за разными подписями публикует здесь очерк «Италийские стихотворцы Ариост и Тасс» [Там же, с. 107]. (с продолжением в следующем номере очерком о Петрарке) и сатирическое «Похвальное слово сну» [Там же, с. 81] (частично, правда, уже опубликованное в том же «Вестнике» в 1810 году Жуковским). При всем разнообразии жанров, в которых выступает Батюшков (элегия, послание, сатира), – преобладает на страницах «Вестника» его проза. Еще в Каменце он признается Жуковскому: «Теперь я по горло в прозе. Воображение побледнело, но не сердце, к счастью, и я этому радуюсь» [3, с. 347]. Из прозы, которую Батюшков напишет в Каменце и привезет для печати в Москву, «Путешествие» занимает особенное место. Эта вещь станет удачным развитием ранних опытов поэта в жанре литературы путешествий. Первой его попыткой на этом поприще стал «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии», опубликованный Жуковским в том же «Вестнике Европы» в 1810 году [5]. 23-летний Батюшков закончил «Отрывок» по возвращении из Финляндского похода. Он был написан прозой, напомилавшей ритмизованную прозу Карамзина, что позволило Н.В. Фридману заметить: «В “Отрывке” Батюшков довел карамзинскую традицию “стихотворной прозы” до исключительного блеска» [18, с. 19]. «Отрывок» состоял в основном из лирических описаний природы Севера, которая, по мнению поэта, определяла образы и сюжеты в мифах его народностей: скандинавов и кельтов, которых Батюшков вольно ассоциирует с финнами на основе «Песен Оссиана» Макферсона. Первый «путевой» опыт Батюшкова, хоть и стилистически изыскан и не лишен оригинальной мысли, – еще очень далек от образных, сюжетных и идейных контрапунктов «Путешествия». Общим для текстов 1810 и 1816 годов становится факт «вынужденности» путешествия автора. По классификации Лоренса Стерна Батюшкова можно было бы отнести к «путешественникам поневоле». И в «Отрывке», и в «Путешествии» поэт странствует по долгу военной службы. Война становится не только фоном для авторских наблюдений над природой и традициями незнакомой страны, но и драматическим материалом для философско-нравственного дискурса.

К моменту выхода батюшковского очерка о Финляндии жанр военно-путевой прозы выразительно представлен «Письмами русского офицера» Федора Глинки [8]. Возможно, они служат Батюшкову камертоном. В 1808-м Глинка выпустит «письма» о кампаниях 1805–1806 годов, а в 1815–1816-м – об Отечественной войне и заграничном походе. А Батюшков публикует свои вещи буквально следом. И у Глинки, и у Батюшкова война служит поводом к высказыванию, и его же объективным коррелятом. Однако дальнейший вектор развития мысли у писателей разный. Ба-

тюшкову созвучен глинковский пафос военных стратегий и побед, но его очерк больше связан с просветительской традицией карамзинских «Писем русского путешественника», а через них и с европейской литературой путешествий с вечным противопоставлением «своего» и «чужого». Однако идеалы карамзинского просвещения Батюшковым критически переосмыслены. Его «Путешествие» – сжатое художественное высказывание на философские темы России и Европы, человека и Истории, фортуны и неизбежности, любви и творчества, мечты и реальности. Каждая тема мотивирована переживаниями поэта личного характера, в чем нам предстоит убедиться. Поэт рассказывает не столько о военно-полевых или туристических приключениях – сколько подводит итог истинам эпохи Просвещения, которые развивал Вольтер и «пропагандировал» Карамзин, и которые были скомпрометированы Французской революцией и годами Наполеоновских войн. Поскольку литература путешествий была сколом эпохи Просвещения, поэт невольно подводит итог и самому жанру, каким он сформировался начиная с расцвета этой эпохи (во второй половине XVIII века) – к настоящему времени.

Литература путешествий складывалась на закате классицизма. Она во многом наследовала авантюрному роману с его чередой непредсказуемых поворотов фабулы, и была своего рода реакцией на нормированность жанров – тем, что выводила на первый план малые и маргинальные для своего времени литературные формы: анекдота, бытовой сценки, дружеского послания, сплетни и пр. Недаром почти все опыты в подобном жанре (в том числе и батюшковский) представлены как письма или дневники, где использование малых форм вполне естественно. В них свободно отражался конкретный человек с его противоречивым эмоционально-интеллектуальным миром. К рубежу веков «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна [22], «Письма об Италии в 1785 году» Ш.М. Дюпати [21] и «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» [20] Жан-Жака Бартельми – были без преувеличения столпами литературы путешествий. Русские литераторы не только внимательно их читали, но переводили и интеллектуально осмысливали. В одном из номеров «Северного вестника» (где печатался юный Батюшков) – редактор журнала Иван Мартынов, переводчик Дюпати и сам автор путевой прозы («Филон») – публикует перевод статьи из «*Mercure de France*» от 2 июня 1803 года, в которой подробно рассматриваются аспекты биографии и творческие особенности английского писателя; еще в 1791 году вернувшийся из путешествия Карамзин в своем «Московском журнале» детально анализирует «Анахарсиса» Бартельми; его же перу принадлежит перевод «Истории Лафлера, Стернова слуги», напечатанный в «Вестнике Европы» [4, с. 12–21]. Опыт иностранных писателей и самого Карамзина оказывает влияние на отечественную словесность; в короткую

эпоху александровской оттепели литература путешествий расцветает в России [10; 12; 14; 16; 18; 19].

Первые исследователи подобной литературы (в советское время) отмечали развитие жанра в рамках притяжения-отталкивания русских текстов между полюсами разных иностранных авторов. Статья Т. А. Роболи («Литература путешествий»), вышедшая в книге [15] под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, предсказуемо трактовала особенности жанра в духе идей ОПОЯЗа. Автор анализирует функциональные элементы, составляющие единый материал путевой прозы, и предлагает типологию литературы путешествий. «К моменту появления в России “Писем русского путешественника” Н.М. Карамзина, – пишет Т.А. Роболи, – с которых по-настоящему следует вести русскую родословную литературных путешествий, на Западе в этом жанре дифференцировались два основных типа: один собственно – Стерновский, где настоящего описания путешествия, в сущности, нет; и другой – типа Дюпати, представляющий гибридную форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» [Там же].

В «Письмах» Карамзина оба типа совмещались – при полном доминировании типа Дюпати, когда в единую ткань текста сведены те самые дорожные заметки, театральные рецензии, интервью, стихи и пр. Заметны у Карамзина и стерновские мотивы, как косвенные (частое употребление излюбленных Стерном тире или сценка у стерновского каретного сарая в Кале) – так и прямые, когда на описании и даже *исследовании* собственных эмоциональных состояний, спровоцированных путешествием, автор, подобно Стерну, подолгу фокусирует свое и читательское внимание. Позже к текстам «влияния» на Карамзина исследователями будут отнесены «Философские письма» Вольтера с их сравнительным анализом английской и французской общественно-политической и философской мысли (на что указывают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский) [11].

На что же «нанализывались» подобные влияния и какова была идея, увязывающая разрозненные «элементы» в единую ткань карамзинских «Писем»? «Образовательная и даже воспитательная роль этой книги была чрезвычайно велика, – отвечает Г.А. Гуковский. – Прочитав ее, каждый русский человек оказывался освоенным с основными явлениями западной культуры, роднился с ними. <...> Он (Карамзин. – Г.Ш.) явился в Европу европейцем, для которого все великие достижения народов Запада – не чужие, а свои, для которого его собственная русская культура неразрывно связана с наследием Запада» [9].

Приведенные характеристики применимы и к очерку Батюшкова. Здесь есть «гибридность» Дюпати-Карамзина, когда диалоги сочетаются с описанием природы, а философское размышление подкрепляется сти-

хотворной цитатой. Есть здесь и переменчивый мир внутренних состояний (Стерн), и сравнительный пафос в духе Вольтера. Подобно образам в стихотворении, все эти «состояния» и «характеристики» сплавлены в небольшое по объему высказывание, чья ткань удерживается оригинальностью ситуации, в которой находится автор: личной и исторической. Письма, написанные Батюшковым из похода во Францию, служат не только фактическим фоном его очерка, но и авторским конспектом – мыслей и образов, которые будут использованы в тексте. Так, по сообщениям Н. И. Гнедичу января-февраля 1814 года можно более-менее точно восстановить *всю* карту передвижений Батюшкова во Франции накануне паломничества к Вольтеру. После перехода через Рейн штаб Раевского, при котором поэт служит адъютантом, квартирует в деревне Фонтэн, что буквально в нескольких километрах от границы с Германией. Уже к февралю 1814 года Раевский перемещается на двести километров к Парижу. Городки Бар-сюр-Об, Труа, Шомон, Бар-сюр-Сен, вскользь упомянутые в очерке, а также их окрестности – суть места локальных сражений и постоянных передислокаций. «На другой день, – пишет он Гнедичу, – мы дрались между Нанжисом и Провинс. На третий, следуя общему движению, отступили и опять по дороге к Троа. Оттуда пошли на Арсис, где было сражение жестокое, но непродолжительное, после которого Наполеон пропал со всей армией. Он пошел отрезывать нам дорогу от Швейцарии, а мы, пожелав ему доброго пути, двинулись на Париж всеми силами от городка Витри» [2, с. 270]. Стоянка, где по дороге в Париж расквартировались части Раевского, находилась в деревне Болонь близ Шомона. Это всего несколько часов дороги до местечка Сирей-сюр-Блез. В короткое, но символическое путешествие поэт отправляется вместе с давними приятелями: бароном де Дама и Александром Писаревым, чьи части расквартированы поблизости. Перечисленные сведения ужимаются в очерке до одного предложения, в котором, однако, есть практически вся информация о форме и целях путешествия: «Из деревни Болонь, лежащей близ города Шомона, я поскакал верхом в Сонкур, где ожидали меня б<арон> де Д<амас> и г. П<исарев>, с которыми накануне уговорился я посетить замок Сирей и поклониться теням Вольтера и его приятельницы». То, что очерк написан в форме письма («послания») к конкретному человеку (Дмитрию Дашкову), что в нем упоминаются имена реальных спутников поэта и реальные географические локации – сплавляет автора и героя текста в единый документальный образ (в отличие от карамзинских «Писем» или батюшковской «Прогулки в Академию художеств», где автор заметно дистанцируется от героя). Однако «культурное паломничество», заявленное в духе Дюпати-Карамзина, с первых страниц претерпевает неожиданные метаморфозы. На полпути к Сирею Батюшков «случайно» отстает от товарищей. Эпизод в деревне будет первой «вставной новеллой» его

очерка. Сценка состоит из диалога с пожилым деревенским жителем – у подножия холма, на котором виднеются останки древнего замка. Цитата из элегии Маттисона настраивает читателя на карамзинский, приподнято-чувствительный лад («Многобашенный замок, полный величия...»). Читатель того времени ждет от автора исторической справки в духе Дюпати. Однако нота средневековой романтики тут же «снижается» реальной картиной. Вместо игры воображения в рыцарские «видения» древности перед нами виды разорения и упадка, которому за годы революции и войн подвергся и замок, и земли вокруг. Старик-селянин – их очевидец. Его красный революционный колпак изношен от времени. Теперь он символ прошлого: тщеты человека в скоротечном времени. «Документальность» ситуации подчеркивается точностью физиологических подробностей в стиле Стерна: старик-селянин «...конечно, от робости – заикнулся» [1, с. 105]. Сноска, сопровождающая диалог, – побочная история в побочной истории, и отсылает к сравнительным описаниям из «Философских писем» Вольтера. Как и французский писатель, Батюшков сравнивает народы и находит разницу между ними в подходе к прошлому («Притом же немцы издавна любят все сохранять, а французы разрушать» [Там же]). Он знает о чем говорит. Осень 1813 года он проведет в передвижении по Германии, а в канун Нового года и вообще надолго задержится с раненым Раевским в Веймаре.

«Размышляя о странном характере французов, которые смеются и плачут, режут ближних, как разбойники, и дают себя резать, как агнцы, я догнал моих товарищей» [Там же, с. 106]. Надо сказать, что «странности» французского характера будут частой темой в письмах, написанных из Парижа, куда русская армия войдет без боя всего через несколько месяцев («народ, достойный сожаления и смеха»). Возможно, многие обобщения поэт вставит в очерк постфактум, уже вернувшись с войны, – в письмах друзьям из Каменца он, во всяком случае, часто обрушивается на французов с критикой. Важно, что наблюдение, заявленное в эпизоде с селянином (о пренебрежении к историческому наследию), дает автору повод заключить, что подобное пренебрежение есть следствие алчности и корыстолюбия французов; что это именно те свойства, которые приводят к разрухе в масштабе национальной истории; и что просвещение оказалось бессильным ему противиться. Если Карамзин приезжает в Европу по своей воле – как «скиф», который, подобно Анахарсису, поражает лучшие европейские умы своей просвещенностью – то меньше четверти века спустя Батюшкова приводит в Европу сама История: освободить от «варваров» руины, которыми эпоха Просвещения закончилась во Франции.

Впрочем, чем ближе к замку, тем лучше погода. Мрачный скепсис меняется вместе с пейзажем. «Разговаривая с товарищами и любуясь красотою видов, мы неприметно проехали несколько миль; каждый замок, ка-

ждое местечко мы принимали за Сирей и смеялись своей ошибке» [Там же]. Как точно, между прочим, подмечено это «путевое» свойство: заблуждение нетерпения. Каждому, кто в путешествии стремился к заветной цели, оно знакомо. Описание замка занимает всего несколько абзацев, и часто почти дословно перекликается с описанием из письма к Гнедичу от 27 марта. Картина предстает вполне реалистичная; камин, окна в пол, галерея, надписи на балках; конечно, Сирей – не замок со рвами и башнями в рыцарском духе. Перед паломниками богатый каменный дом на холме, подле которого через луга, обрамленные невысокими холмами, протекает Блез. Ничего из обстановки времен Вольтера не сохранилось; Батюшкову важно отметить, что дом разграбили сами французы еще в революцию. Но дух Вольтера живет в его почитателях, и если таковых не осталось на родине писателя, почитателями становятся новоприбывшие русские офицеры «с берегов Волги». «Писарев жил в той самой комнате, где проказник Фернейской писал «Альзиру» и пр. Вообрази себе его восхищение!» [2, с. 404].

«В 1733 году я встретил молодую даму, смотревшую на вещи почти так же, как я, – вспоминает Вольтер в “Мемуарах”, – она решила провести несколько лет в деревне, дабы предаться там, вдали от шумного света, усовершенствованию своего разума» [7, с. 9]. Молодой дамой была маркиза Эмилия дю Шатле, «из всех французских женщин наиболее способная ко всем наукам». В тот год Вольтеру угрожали тюрьмой за распространение сатирической поэмы «Орлеанская девственница», и маркиза предложила укрыться от преследования властей в ее шампанском поместье. По тогдашним нравам замужняя женщина могла жить с одиноким писателем без особых репутационных потерь – тем более что муж Эмилии, человек военный, и сам присоединился к странной паре, когда имел такую возможность. Сегодня место их уединения называли бы творческой резиденцией – если бы эмиграция Вольтера не оказалась длительней, чем он предполагал, и не затянулась, с небольшими перерывами, на пятнадцать лет. Ко времени вынужденной «самоизоляции» Вольтер не только знаменитый писатель, но и успешный финансист. Ум его изощрен как в искусствах, так и в коммерции. Писатель спекулирует на муниципальной лотерее; перепродает ценные бумаги; участие в поставках хлеба для армии приносит ему 600 000 ливров (Батюшкову, для сравнения, одной тысячи хватило бы на год жизни). Доходы Вольтера позволяют Эмилии обустроить поместье по городской моде. К дому пристраивается крыло-галерея для научной лаборатории и крошечный театральная зал – неизменный атрибут просвещенной жизни, в котором разыгрываются написанные Вольтером сценки. Из парижской квартиры писатель вывозит мебель, шкафы с книгами и аппаратуру для физических опытов, мода на которые стремительно распространяется по Европе. Маркиза и Вольтер живут в соседних комнатах, что не мешает им вести домашнюю переписку.

ску. Эмилия пишет для Академии о свойствах огня и ставит оптические опыты, а Вольтер учит ее английскому и пишет пьесы. «Заира» и «Альзира» – именно те вещи, которые упоминает в письмах Батюшков. Замечательно, что обе они – о любви.

Заирину аллею показывает путешественникам новый владелец дома, некто господин Р-н. Из «гида» он удачно преобразен автором в резонера, чтобы озвучить мысли Батюшкова относительно фигуры французского писателя (точно так же поэт раздавал свои соображения персонажам в «Прогулке в Академию художеств»). «Путешествие» настолько отличалось по своему тону от яростных нападок реакционной прессы на Вольтера, – замечает Н.В. Фридман, – что, быть может, не случайно Батюшков «передал» почти все похвалы Вольтеру одному из героев очерка – «жителю Сирея» г. Р-н; возможно, Батюшков опасался цензурных неприятностей, которые могли бы возникнуть, если бы он так говорил о Вольтере преимущественно от своего лица» [17, с. 23]. Действительно, волна критики, а чаще открытой неприязни к адептам французского Просвещения (которых называли даже и «мошенниками») – во время и сразу после войны захлестнула российское общество. Батюшкову были хорошо известны подобные крайности. В свое время он и сам разделял их. Его стихотворение на гибель Москвы (послание «К Дашкову»), написанное всего двумя года ранее, напитано антифранцузским пафосом и напрямую перекликается с «Письмами из Москвы в Нижний Новгород» И.М. Муравьева-Апостола – сочинении, в котором дальний родственник поэта подробно развивает мысль об общей пагубности французского «просветительского проекта» для всей европейской цивилизации. Он называет Вольтера «опаснейшим из софистов», направлявшим «все силы необыкновенного ума своего на то, чтобы осыпать цветами чашу с ядом» [13]. Однако «Путешествие в замок Сирей» демонстрирует иную оптику. Эмоции, определявшие антифранцузскую риторику 1812 года, – теперь, когда русская армия освободила от «варваров» Германию и победно движется к Парижу, отходят на второй план. Юношеское преклонение, испытанное к Вольтеру людьми батюшковского поколения (напомним, что первые опыты поэта были вольными переложениями сатир писателя), – преклонение, прошедшее через опыт отрицания «всего французского» времен гибели Москвы – теперь, ввиду исторических событий 1814 года, сообщает взгляду Батюшкова взвешенный, объективный характер. Поразительный ум Вольтера, считает поэт, как бы озаряет человека светом, в лучах которого тот обретает истинную меру. И если она безутешна, здесь нет вины Вольтера. Не стоит забывать и то, что философ проповедовал свободу человеческой мысли и достоинство личности, и отстаивал права и свободы людей умственного труда – писателей, поэтов, мудрецов. То есть его, *батюшковские*, права. В России, где умственный труд считался неблагородным, низким, последнего раз-

бора, – подобная проповедь могла бы прозвучать особенно востребованно. Можно сказать, что сейчас Батюшков смотрит на Вольтера «по-вольтеровски»: озаряя «светом, в лучах которого человек обретает истинную меру». «Нужно исходить из того, – говорит Вольтер о людях, – что они и не хорошие и не плохие... Добрые поступки оценивать выше их достоинства, за дурные наказывать меньше, чем того требовала бы вина... Вот как должен действовать разумный человек». Точно так размышляет и Батюшков. Недостатки характера Вольтера, эти своего рода издержки личности на время и общество, только подчеркивают в глазах поэта поразительные свойства его разума, способного подниматься не только над временем и обществом, но и над самим собой. Все издержки «опасной софистики», все славолубие, корыстолюбие и сластолюбие французского философа – его писательский талант, часто растрченный на «стрельбу по воробьям» – можно простить за право каждого человека на любовь, воспетое Вольтером не только в пьесах «Альзира» и «Заира», но и буквально: опытом реальной жизни, прожитой Вольтером и его возлюбленной под крышей дома на берегу реки Блез.

Побег от света в любовно-творческую идиллию на лоне природы был мечтой поэтов, а Вольтер реализовал эту мечту в реальности; часто помышлявший об интеллектуально-сердечном уединении в горацанском духе, Батюшков видит место, где подобное уединение превратилось из мечты в реальность. В поместье Сирей-сюр-Блез он проводит сутки. Застолье продолжается до глубокой ночи – в зале, где собирались лучшие умы Франции, а теперь вдоль стен русские знамена и слышны голоса захмелевших офицеров, читающих друг другу французские и русские стихи. Видно, что пришельцы с Востока – подобно Анахарсису – осведомлены о культуре Франции не хуже, а иногда лучше обитателей замка. Полюса просветительской традиции словно меняются местами. Отныне ее носители – восточные «варвары», воспринявшие лучшие истины философа и теперь словно «возвращающие» их на испепеленную войнами родину. В очерке оживает голос и самого Вольтера. Он звучит в его письмах, написанных из Сирей. Письма эти опубликованы в книгах, книги стоят на полках. Батюшков – благодарный читатель. «В них он вспоминает, – говорит поэт, – о временах прошедших, о людях, которые все исчезли с лица земного с своими страстями, с предрассудками, с надеждами и печалью, неразлучными спутницами бедного человечества» [1, с. 114]. «К чему столько шуму, столько беспокойства? – восклицает он. – К чему эта жажда славы и почестей? – спрашиваю себя и страшусь найти ответ в собственном моем сердце» [Там же].

К 1814 году в жизни поэта сформировалось обстоятельство личного характера, пусть напрямую и не отраженное в очерке, однако во многом определившее его интонацию и взгляд на вещи. Батюшков ушел

на войну с женским образом в сердце. Известно, чем *после войны* закончились его намерения относительно женитьбы на Анне Фурман; однако *до и во время* похода поэт верит в ответные чувства девушки и живет надеждой на личное счастье – то самое, которое реализовал Вольтер в Сирее. С этим чувством надежды Батюшков отправляется в поход, с ним проходит Германию, с ним едет в Сирей. Приложенная к Вольтеру, мысль поэта проста: ничто, кроме любви, не способно пережить время, и ничто, кроме творчества, посвященного этой любви, тоже. Настоящий Вольтер не в мелочных дрязгах сатир – а там, где он счастлив с возлюбленной, и там, где он пишет об этом. Люди, над которыми острил философ, без следа растворились в Истории, а история Вольтера и Эмилии жива до сих пор. То, что спустя десятилетия несколько «жителей берегов Волги и людей, пьющих воды Сибирские», будут паломничать к месту любовного вольтеровского уединения, только доказывает мысль Батюшкова. Сирей словно совмещает то, о чем грезили и грезят поколения русских поэтов: Россию и Европу, сердце и разум, душу и дух. Вся мечта и тоска по дому, по-русски укорененной в традиции, сердечной, но по-европейски просвещенной, независимой, исторически мотивированной, любовно- и творчески насыщенной жизни – выражена в его паломничестве. Очерк о нем весь словно проникнут будущим, ведь пока Батюшков не знает, что ждет его по возвращении, и надеется на лучшее; разве что погода, которая к утру резко меняется – дает подсказку; но эта подсказка нам, его будущим читателям.

«Я не могу изъяснить того чувства, с которым, стоя у окна, высчитывал я все перемены, случившиеся в замке. Сердце мое сжалось. Все, что было приятно моим взорам накануне – и луга, и рощи, и речка, близ текущая по долине между веселых холмов, украшенных садами, виноградником и сельскими хижинами, – все нахмурилось, все уныло. Ветер шумит в кедровой роще, в темной аллее *Зауриной* и клубит сухие листья вокруг цветников, истоптанных лошадьми и обезображенных снегом и грязью» [Там же]. Перед нами еще одна поворотная точка. Контрапункт, соединяющий, подобно музыкальному, самостоятельные сюжетные линии. Мечта, еще вчера вечером казавшаяся реальностью, как реальным казался и сам Вольтер, оживающий в любовной истории, – исчезла. Пора было возвращаться к реальности – в армию. Казак с верховой лошадью уже ожидал хозяина, а спутники поэта уехали еще ранее. Батюшкову предстояло путешествовать по чужой земле самому, да еще ввиду наступающей ночи. Ситуация как будто снова вводит читателя в рамки жанра. Цитата из «Людмилы» Жуковского – прямой намек на развитие сюжета в его духе. Но это цитата-отталкивание. Жуковский, «разгонявший» в балладе мечту до крайних фантазмов, в реальности, окружающей Батюшкова, неуместен. А вместе с Жуковским и вся традиция сентиментальных

путешествий, в которых выдумка часто украшает и даже подменяет реальность. Образ одинокого странника в ночи, лес и незнакомые места – напрасно настраивают читателя на подобную выдумку. Батюшков, много отдавший мечте, знает ее обманчивую природу и не хочет ей следовать. Вольтер выстраивал свою жизнь исходя из обстоятельств реальности, и Батюшков для своей жизни желает того же. «Вот, скажете вы, прекрасное предисловие к рыцарскому походу! Бога ради, сбейся с пути своего, избавь какую-нибудь красавицу от разбойников или заезжай в древний замок» [Там же, с. 115]. В косвенном смысле Батюшков так и делает, с чисто стерновской иронией он додумает ситуацию: «Хозяин его, старый дворянин, роялист, если тебе угодно, примет тебя как странника, угостит в зале трубадуров, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцирями, мечами и шлемами; хозяйка осыплет тебя ласками, станет расспрашивать о родине твоей, будет выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнессу, которая, потупя глаза, покраснеет, как роза...» [Там же]. Но додумает лишь затем, чтобы показать всю ничтожность подобных фантазий: и в жизни, и в жанре. «Не стану следовать похвальной привычке путешественников, не стану украшать истину вымыслами, а скажу просто, что, не желая ночевать на дороге с волками, я прищпорил моего коня и благополучно возвратился в деревню...» [Там же].

«Путешествие в замок Сирей» станет текстом, после которого литература путешествий в прежнем дюпати-карамзинском виде будет уже маловозможна. К финалу документальность очерка достигает кульминации, и Батюшков как поэт сжато и точно выражает ее. Он дописывает текст буквально на барабане, и даже не заканчивает его, а обрывает на полуслове: «Сказан поход – вдали слышны выстрелы. – Простите!» [Там же, с. 116]. В этом последнем слове слышна печальная ирония над бесконечными карамзинскими «простите», которыми он усеивал свое «Путешествие». Но то, что у Карамзина было фигурой сентиментальной речи, для Батюшкова – обыденная реальность: он извиняется за то, что обстоятельства войны не позволяют ему закончить очерк, и не более. Через десяток-другой лет литература путешествий, какой она сформировалась к XIX веку, действительно распадется на фракции. Ее пестрота исчезнет, породив массу самостоятельных жанров. По наблюдению Т.А. Роббли [15], театральный отклик обретет черты журнальной рецензии, сюжетная линия станет полностью выдуманной и увеличится до размеров романа, восприятие чужестранных земель сведется к путевым заметкам, а ирония и пародии найдут свое место в журнальных фельетонах. Эта дефрагментация будет видна уже у Батюшкова. После «Путешествия в замок Сирей» его литература путешествий сводится непосредственно к тому жанру, в каком она была формально заявлена («послание»). Лучшие его размышления о чужих странах отныне мы находим только в частной переписке с друзьями.

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Москва : Наука, 1978. 607 с.
2. Батюшков К. Н. Сочинения. Москва ; Ленинград : Academia, 1934. 792 с.
3. Батюшков К. Н. Сочинения : в 2 т. Москва : Художественная литература, 1989. Т. 1. 515 с. Т. 2. 721 с.
4. Вестник Европы. 1802. № 13. Ч. 4.
5. Вестник Европы. 1810. № 8.
6. Вестник Европы. 1816. № 6.
7. Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги : в 2 т. Москва ; Ленинград : Academia, 1931. Т. 1. 537 с. Т. 2. 276 с.
8. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Москва : Московский рабочий, 1985. 336 с.
9. Гуковский Г. А. Карамзин // История русской литературы : в 10 т. Т. V. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 55–105.
10. Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию, в письмах. Москва : В Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1800–1802. 274 с.
11. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры [Электронный ресурс] // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Ленинград : Наука, 1987. URL: <https://18vek.spb.ru/Archive/74d04c891c260aa3a37e70e542da0f12.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).
12. Макаров П. И. Письма из Лондона // Макаров П. И. Сочинения и переводы Петра Макарова. Москва : В типографии Платона Бекетова, 1803. С. 45–49.
13. Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород // Сын отечества. 1813. Ч. 10. № 48. С. 101–103.
14. Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году. Москва : В Университетской типографии, у Любия, Гария и Попова, 1803. 270 с.
15. Роболи Т. А. Литература путешествий // Русская проза XIX века : сб. статей. Ленинград : Academia, 1926. С. 42–73.
16. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. Москва : Университетская типография, 1800. 250 с.
17. Фридман Н. В. Проза Батюшкова. Москва : Наука, 1965. 165 с.
18. Шаликов П. И. Другое путешествие в Малороссию. Москва : Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, 1804. 262 с.
19. Шаликов П. И. Путешествие в Малороссию. Москва : Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, 1803. 236 с.
20. Barthelemy J. J. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. Paris : De Bure l'aîné, 1788. 570 p.
21. Dupaty Ch. M. Lettres sur l'Italie en 1785. Paris : Chez L. Duprat-Duverger, 1788. 312 p.
22. Sterne L. A Sentimental Journey Through France and Italy by Mr. Yorick. London : printed for T. Becket and P. A. De Hondt, 1768. 208 p.

**PILGRIMAGE TO VOLTAIRE. THE DEVELOPMENT
OF THE TRADITION OF “TRAVEL LITERATURE”
IN K.N. BATYUSHKOV’S ESSAY
“JOURNEY TO SIREY CASTLE”**

G. Yu. Shul’pyakov

Literary and artistic magazine “New Youth”, Moscow

This work explores how K. Batyushkov’s essay “Journey to the Castle of Sirey” (1814), which is “camouflaged” under the genre of “travel literature”, “outgrows” this genre. Comparison with the samples of literary predecessors reveals the continuity of only characteristic techniques. The stylistic and ideological originality of Batyushkov corresponds to the situation, historical and personal, in which the poet found himself. His essay sums up the Enlightenment era. Since the “literature of travel” was a “chip” of the Enlightenment era, the poet sums up the genre itself, as it was formed in the second half of the XVIII century – by 1814.

Keywords: *Batyushkov, Voltaire, Karamzin, Sirey, travel, Enlightenment.*

Об авторе:

ШУЛЬПЯКОВ Глеб Юрьевич – заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Новая Юность» (117292, г. Москва, ул. Кедрова, д. 1), e-mail: glebsh@bk.ru.

About the author:

SHULPIAKOV Gleb Yurievich – Deputy Editor-in-Chief of the Literary and Artistic Magazine “New Youth” (117292, Moscow, Kedrova str., 1), e-mail: glebsh@bk.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.11.2023 г.

Дата подписания в печать: 01.03.2024 г.